

Маркевич Валентина Сергеевна

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Гражданское право, предпринимательское право, семейное право

Гражданско-правовые механизмы противодействия коррупции

Аннотация. В статье исследуются гражданско-правовые способы устранения имущественных последствий коррупции. Разграничены недействительность сделок, реституция, взыскание убытков, возврат неосновательного обогащения и специальное обращение имущества в доход Российской Федерации. На основе законодательства и актуальных позиций высших судов предложена авторская трехконтурная модель имущественного реагирования, позволяющая выбирать правовое средство с учетом характера коррупционной связи и положения добросовестных участников оборота.

Ключевые слова: коррупция, гражданское право, недействительность сделки, реституция, убытки, неосновательное обогащение, коррупционные активы

Коррупционное правонарушение редко исчерпывается фактом передачи незаконного вознаграждения. Как правило, оно сопровождается цепочкой имущественных действий: заключается фиктивный договор, создается формальный посредник, оплачивается экономически необоснованная услуга, имущество оформляется на зависимое лицо либо первоначально полученная выгода преобразуется в иной актив [7]. Поэтому гражданское право в системе противодействия коррупции выполняет самостоятельную функцию – не наказать виновного, а устранить гражданско-правовой результат противоправного поведения. Цель настоящего исследования состоит в определении границ применения основных имущественных средств и в выработке последовательности их выбора. Используются формально-юридический, системный и сравнительный методы

анализа законодательства и судебных позиций.

Первый механизм связан с недействительностью сделки. Для коррупционных схем принципиально важно различать нарушение императивного запрета и наличие у сделки цели, заведомо противной основам правопорядка или нравственности. В первом случае применима статья 168 ГК РФ, во втором – статья 169 ГК РФ [1, ст. 168–169]. Сам факт уголовно наказуемого поведения одного из участников еще не делает автоматически ничтожными все договоры, находящиеся рядом с преступным эпизодом. Суду необходимо установить, являлась ли конкретная сделка юридическим инструментом передачи коррупционной выгоды, маскировала ли запрещенную цель либо имела самостоятельное хозяйственное содержание.

Следующий вопрос – последствия недействительности. Классическая реституция ориентирована на возврат сторонами полученного по сделке и восстановление прежнего имущественного положения. Однако при коррупции этого бывает недостаточно. Организация может понести реальный ущерб из-за завышенной цены, фиктивного посредничества или платежа, совершенного руководителем в личном интересе. В подобных ситуациях наряду с последствиями недействительности могут возникать требования о возмещении убытков по статьям 15 и 53.1 ГК РФ, а при отсутствии правового основания для удержания имущества – требования о возврате неосновательного обогащения по статье 1102 ГК РФ [1, ст. 15, 53.1, 1102]. Иными словами, для восстановления имущественной сферы потерпевшего иногда требуется не одно, а несколько согласованных средств защиты.

Особое место занимает обращение коррупционных активов в доход Российской Федерации. Данный институт внешне реализуется в гражданском судопроизводстве и затрагивает право собственности, однако его нельзя отождествлять с обычной реституцией или виндикацией. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 31 октября 2024 г. № 49-П подчеркнул публично-правовую направленность такого требования и допустил неприменение общих сроков исковой давности к требованиям о возврате имущества, приобретенного вследствие коррупционных нарушений [3, п. 4–5]. В научной литературе эта конструкция

обоснованно характеризуется как специальная антикоррупционная имущественная мера, требующая одновременно эффективности и процессуальных гарантий [5, с. 84–89].

Судебная практика 2026 г. существенно конкретизировала данный подход. Тематический обзор Верховного Суда РФ № 14/2026 исходит из того, что правовое значение имеет не только формальное несоответствие расходов законным доходам, но и установленная связь имущества с конкретным коррупционным поведением [4]. При этом преобразование первоначального актива не должно становиться способом легализации результата коррупции: в предусмотренных законом случаях взыскание может быть обращено на имущество, полученное в результате такого преобразования, либо на его денежный эквивалент. Федеральный закон № 230-ФЗ прямо предусматривает возможность обращения имущества в доход государства при непредставлении достаточных сведений о законном источнике средств на его приобретение [2, ст. 17].

В то же время расширение возможностей государства по возврату активов повышает значение принципа добросовестности. Если имущество оказалось у третьего лица, суд должен исследовать реальность встречного предоставления, характер отношений с первоначальным владельцем, осведомленность приобретателя о происхождении актива и обстоятельства, которые объективно должны были вызвать сомнение. Ж.В. Петрович справедливо связывает развитие антикоррупционных исков с необходимостью сохранять разумный баланс между публичным интересом и устойчивостью права собственности [8, с. 203–207]. Поэтому происхождение имущества само по себе не должно подменять доказывание недобросовестности каждого последующего приобретателя.

По результатам исследования предлагается разграничивать три контура гражданско-правового реагирования. Первый – сделочный: признание сделки недействительной и применение реституции. Второй – компенсационный: взыскание убытков, возврат неосновательного обогащения, требования к руководителю или иному лицу, причинившему имущественный вред. Третий – специальный антикоррупционный: обращение имущества либо его эквивалента в

доход Российской Федерации на основании законодательства о противодействии коррупции. Выбор между ними должен определяться не удобством истца, а юридической природой нарушенного интереса и происхождением спорного имущественного результата. При сочетании нескольких требований необходимо исключать двойное взыскание одного и того же экономического результата.

Отдельного внимания требует соотношение антикоррупционного имущественного иска с гражданско-правовой ответственностью органов управления юридического лица. Если коррупционная схема была реализована через договор общества, само признание такого договора недействительным не всегда восстанавливает имущественную сферу организации. Например, контрагент может оказаться неплатежеспособным, часть активов может быть выведена, а дополнительные расходы – возникнуть уже после исполнения сделки. В этих случаях самостоятельное значение приобретает требование общества к директору или иному контролирующему лицу о возмещении убытков при доказанности недобросовестности либо неразумности поведения [1, ст. 53.1]. Такое требование не дублирует реституцию, если направлено на компенсацию иного, реально возникшего имущественного ущерба. Практическая задача суда состоит в том, чтобы определить экономический результат каждого заявленного способа защиты и исключить двойное возмещение одной и той же потери.

Не менее важна доказательственная сторона гражданско-правового противодействия коррупции. Для применения частноправовых последствий недостаточно общей ссылки на наличие уголовного дела, служебной проверки или конфликта интересов. Необходимо установить связь между конкретным нарушением и спорным имущественным перемещением. Именно эта причинная связь позволяет разграничить обычную невыгодную хозяйственную операцию и сделку, использованную как инструмент коррупционного поведения. Одновременно такой подход защищает добросовестных участников оборота, поскольку препятствует автоматическому распространению публично-правовой оценки поведения одного лица на все последующие сделки с имуществом [3].

Таким образом, гражданско-правовые механизмы противодействия коррупции

образуют не единый способ изъятия имущества, а систему различных по назначению средств. Их эффективность зависит от точной квалификации [6]: что именно нарушено, кому причинен имущественный вред, является ли сделка носителем коррупционной цели и сохранилась ли связь между первоначальной незаконной выгодой и спорным активом. Практически значимым представляется закрепление в разъяснениях Верховного Суда РФ критериев разграничения реституционных, компенсационных и специальных антикоррупционных требований, а также порядка учета уже возвращенного имущества. Такой подход позволяет лишать коррупцию экономического результата, не превращая гражданское право в механизм произвольного перераспределения собственности.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) / Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (ред. от 25.04.2026) / Собрание законодательства РФ. 2012. № 50. Ст. 6953.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» / [Электронный ресурс] / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW

4. «Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации № 14/2026. О рассмотрении судами дел, связанных с применением законодательства о противодействии коррупции и обращением в доход Российской Федерации имущества, приобретенного в результате нарушения требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции» (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 01.07.2026 № 17А/2026) / [Электронный ресурс] / URL: [https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_538554/?](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_538554/?ysclid=mufve5s88g530463636)

[ysclid=mufve5s88g530463636](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_538554/?ysclid=mufve5s88g530463636)

5. Александров А.И. Изъятие имущества как антикоррупционная мера: без сроков давности // Государство и право. 2025. № 1. С. 82–93.

6. Андреева Е.И., Черевко В.В. Классификация товаров в таможенных целях: правовой аспект / Актуальные проблемы таможенного дела: идентификация, классификация и безопасность товаров: Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции ученых, аспирантов, студентов, Москва, 06 апреля 2017 года. – М.: Российская таможенная академия, 2017. С. 8-13.

7. Клавденко И.А., Турнаев М.А. Причины возникновения коррупционных преступлений / Инновации в обществе: современные вызовы и перспективы: Материалы III Всероссийской научно-практической студенческой конференции, Москва, 15–16 апреля 2024 года. – М.: Академия управления и производства, 2024. С. 328-331.

8. Петрович Ж.В. Сроки исковой давности по приватизационным, антикоррупционным и иным видам исков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 203–208.